

БИО
ГРАФИЯ

Валерий Попов

Дмитрий Лихачёв

ФТМ

Биография (ФТМ)

Валерий Попов

Дмитрий Лихачев

«ФТМ»

2013

Попов В. Г.

Дмитрий Лихачев / В. Г. Попов — «ФТМ», 2013 — (Биография (ФТМ))

ISBN 978-5-4467-3237-1

Духовный авторитет академика Дмитрия Сергеевича Лихачева так велик, что его справедливо называют «совестью нации». Его книги, статьи, беседы – великое наследие, изучение которого помогает хранить традиции русской культуры, служению которым он посвятил свою жизнь. В стране возникали все новые «властители дум» и порой казалось, вот-вот будет создано справедливое общество. Но популярность политиков стихала, фон общественной жизни менялся. Выстоял только скромный, глубоко интеллигентный Лихачев, говоривший вслух об истинных ценностях. Автор книги «Дмитрий Лихачев» серии «Биография» Валерий Попов предлагает читателю свое мнение о том, почему в академике Лихачеве соединилось все лучшее, что ценится нами, рассказывает, как Дмитрий Сергеевич выжил в годы лишений, каким он был со своими близкими, как добивался того, что казалось невозможным – спасения памятников отечественной материальной и духовной культуры.

ISBN 978-5-4467-3237-1

© Попов В. Г., 2013

© ФТМ, 2013

Содержание

Вступление	6
Светлое прошлое	7
Петербургские школы	12
Каждый встречает равных себе	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валерий Георгиевич Попов

Дмитрий Лихачев

© Текст. В. Попов, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Вступление

Много замечательных лиц мелькнуло в бурной истории последних десятилетий. Возникли и исчезли все новые «властители дум», популярнейшие политики, которые, казалось, вот-вот создадут справедливое общество. Но бесспорная, безупречная истина, ясность идеала связаны в нашем сознании лишь с именем Лихачева.

Любому обществу свойственна страстная тоска по человеку, которого можно бы взять за образец и – на этом успокоиться: вовсе не так уж и плохо у нас, есть же у нас... Лихачев! Совестьливый, прямой, всё понимающий – уж он никакую гадость не пропустит, не побоится и скажет вслух, а вслед за ним воспрянем и мы!

Лихачев, особенно после смерти Сахарова, остался один в России такой. В новой нашей истории много героев, но память оставляет из каждой эпохи одного, главного – остальные по разным причинам отпадают: кто оказался слабоват, упал на дистанции, другой, наоборот, слишком небескорыстно преуспел. Выстоял – Лихачев.

Именно в нем собралось все лучшее, что ценится нами.

Почему именно в нем?

Светлое прошлое

В те годы, когда все менялось и советская власть уходила, вдруг стало всем ясно, что светлое будущее, которое нам сулили, – всего лишь фантазия, а светлым, наоборот, было наше далекое, еще дореволюционное, прошлое. К концу XX века вдруг выяснилось, что праведными в нем были лишь первые семнадцать лет. Дворяне хранили честь, купцы держали купеческое слово, крестьяне кормили не только Россию, но и другие страны, жили справно, рабочий люд набирал квалификацию, промышленность развивалась, прекрасно жили инженеры и доктора. Оказалось, что у нас не светлое будущее, как долгие годы ввали нам, а наоборот – светлое прошлое. И в конце века все взгляды обернулись к его началу: вот бы вернуть! И вдруг выяснилось, что кое-что сохранилось. И главным хранителем светлого прошлого оказался Лихачев. Он – сохранился и все сохранил в себе. Второго такого не было. Он еще жил по правилам той эпохи, когда при появлении дамы вставали и лгать было неприлично, а честь и достоинство считались нормой.

А ведь семья Лихачева была самой обычной, рядовой, не выдающейся, а всего лишь типичной для той эпохи. Как же нам далеко теперь до той «нормы»! Но – пока был Лихачев, идеалы, которые он воплощал, были видны и, казалось, еще доступны. И все взгляды с надеждой обратились в «светлое прошлое».

Цветом нации, безусловно, было дворянство, уничтоженное революцией. И отцом Лихачева был дворянин. Правда, дворянство это было выслуженное, даруемое государством за особые заслуги и по наследству не передающееся, что, может быть, отчасти и спасло Дмитрия Сергеевича: дворян у нас не оставляли в покое никогда.

А «корень» Лихачевых был купеческий, из маленького городка Солигалича, расположенного на реке Костроме между городами Костромой и Вологдой.

И в отличие от многих, поспешивших поскорее «отрубить» свои корни, Дмитрий Сергеевич предков своих знал и чтит, как всякий достойный человек. В своих знаменитых «Воспоминаниях» он пишет о предках своих любовно и тщательно.

«Основатель петербургской ветви Лихачевых – Лихачев Павел Петрович – из „детей купеческих солигаличских“ был принят в 1794 году во вторую гильдию купцов Санкт-Петербурга. Приехал он в Петербург, конечно, раньше и был достаточно богат, ибо вскоре приобрел большой участок на Невском проспекте, где открыл мастерскую золотошвейного дела на два станка и магазин – прямо против Большого Гостиного Двора... Список изделий: всех сортов форменные офицерские вещи серебряные и аплике, позументы, бахромы, парчи, канитель, газ, кисти и прочее... На известной панораме Невского проспекта В. С. Садовникова изображен магазин с вывеской „Лихачев“ (такие вывески с указанием только фамилии были приняты для самых известных магазинов). В шести окнах по фасаду были выставлены скрещенные сабли и различного рода золотошвейные и позументные изделия. По другим документам известно, что золотошвейные мастерские Лихачева находились тут же во дворе...»

Семидесяти лет Павел Петрович и его семья получили звание потомственных почетных граждан Санкт-Петербурга. Звание потомственных почетных граждан было установлено манифестом 1832 года императором Николаем I с целью укрепить сословие купцов и ремесленников. Хотя звание это и было „потомственным“, право на него мои предки получали в каждое новое царствование при награждении их орденом Станислава и соответствующей грамотой. „Станислав“ был единственным орденом, который могли получить не дворяне. Доброе имя и репутацию купцы тогда зарабатывали не только успешной и честной торговлей, но и другой деятельностью на пользу общества – в частности, благотворительностью. Так, известно, что Павел Петрович во время русско-турецкой войны пожертвовал действующей армии 10 тысяч офицерских сабель.

Павел Петрович Лихачев родился 15 января 1764 года, похоронен на Волковом православном кладбище в 1841 году».

Дед Дмитрия Сергеевича, Михаил Михайлович, золотошвейным делом уже не занимался. Указом Александра III армейская форма была значительно упрощена, отменены пышные украшения, и надобность в золотошвейном деле отпала.

Михаил Михайлович занимался другим промыслом – держал бригаду полотеров. Жил он в доме напротив Владимирского собора, отличался строгостью, тяжелым характером, был грозой семьи. Стал старостой Владимирского собора. До него эту должность занимал его тесть. Михаил Михайлович славился своей добросовестностью, скрупулезной честностью. Известна история с отпеванием во Владимирском храме Достоевского, после которого Михаил Михайлович уличил церковных служек в неправильном расчете со вдовой и написал ей письмо с перечислением всех неправильных расценок на церковные услуги и ритуальные принадлежности, он с точностью до копеек высчитал сумму, которую церковь обязана была вернуть вдове. И вернула – под бдительным присмотром церковного старосты Михаила Михайловича.

Лихачев пишет в «Воспоминаниях»: «В последней грамоте „Почетного гражданина Петербурга“, выданной моему деду Михаилу Михайловичу, указаны все его дети и в их числе отец мой Сергей».

Лихачевы оправдывали свою фамилию – им свойственно было действовать энергично, лихо, преуспевать. Самые дальние предки были, очевидно, крестьяне. Потом – купцы. А отец Дмитрия Сергеевича, Сергей Михайлович, встал уже на ступеньку выше: поступил в только что открытый тогда Электротехнический институт (расположенный на Исаакиевской площади) и, окончив его, сделал весьма успешную карьеру инженера и государственного чиновника. И «благодаря своему высшему образованию, чину и орденам (среди которых были Владимир и Анна) он вышел из купеческого сословия и принадлежал к „личному дворянству“... без права передавать свое дворянство детям».

Сергей Михайлович был человек весьма энергичный, предприимчивый, работающий. Учась в институте, зарабатывал репетиторством и у сурового отца денег не просил. При этом – был весельчак, душа общества, великолепный танцор. На танцах в клубе он и познакомился со своей будущей женой, Верой Семеновной Коняевой, из семьи купцов-старообрядцев.

Трудно сказать, на кого из родителей походил больше Дмитрий Лихачев. Два его брата, старший Михаил и младший Юра, несомненно, походили на отца, унаследовали его открытый характер, технические способности, бурное жизнелюбие, и оба стали, как отец, инженерами. Характер Дмитрия был другой – более сдержанный, скрытный. Внучка Лихачева Зина в своих воспоминаниях призналась, что так и не поняла до конца характер деда. Возможно, из трех сыновей Лихачев один вышел в мать. Многие отмечали, что в Лихачеве было что-то от староверов – скрытое упрямство, неотступность, строгость. Были и чисто физиологические черты, свойственные староверам – так, Лихачев почему-то не выносил в доме собак и никогда не курил.

Влияние родителей на мировоззрение юного Мити было огромным с самого начала. Звание личного дворянина, присвоенное отцу его, Сергею Михайловичу, и его успешная служебная карьера позволяли семье вести в Петербурге дворянскую, светскую жизнь, что сказалось на воспитании детей самым благоприятным образом.

Страстью Веры Семеновны и Сергея Михайловича был оперный театр, а именно – Мариинский. Они даже арендовали постоянную ложу в третьем ярусе вместе с семьей их друга Гуляева, игравшего в оркестре театра на контрабасе. И даже квартиру они снимали всегда поблизости от знаменитой Мариинки, и сын их Митя родился в доме на Английском проспекте, в пяти минутах ходьбы от театральной сцены.

Одна из первых картин, потрясших его воображение – идущий на сцене снег. Именно на сцене, а не на улице. Это было как бы предчувствие того, что занимать его будет культура, искусство – больше, чем реальная жизнь.

Еще одно из младенческих воспоминаний – летом они поехали с родителями по Волге, и Митя из всего запомнил лишь одну сцену. Они с маленькой дочкой капитана играют в капитанской каюте, ползают с игрушками по ковру. Дверь на палубу открыта. И вдруг он слышит голос отца: «Смотрите! Мы проплываем Жигули!» И Митя, совсем еще маленький, застывает, пораженный неожиданным ощущением. Он вдруг ясно чувствует, что момент этот ему запомнится на всю жизнь – причем именно тем, что он не увидит Жигули: отпечатается именно это чувство! А если выйдет и увидит – это сотрется, не запомнится. Момент этот известен в психологии: точнее запоминается незаконченное действие. Но столь тонкое чувство у маленького ребенка явно говорит об особых его способностях.

И снова – осень, новый театральный сезон, уже привычный и даже необходимый. Зал, обитый голубым бархатом. Сверкающее зеркалами фойе, где все гуляли в антрактах, раскладываясь. Как славно вырасти в «высшем свете», среди знаменитостей: Ге, Винтулов, адмирал Веселаго, Чихачев, адмирал Бирилев, Плещеев, Померанцев... Мы уже не знаем их всех, но чувствуем – все люди значительные и достойные, раз их с таким почтением вспоминал в конце жизни Лихачев. Как важны были те уроки великосветской простоты, душевности, никогда не переходящей в амикошонство, эрудиции, широкой образованности, которой не чванятся, поскольку она считается тут абсолютно естественной. То воспитание, безукоризненность поведения, которые так выделяли Лихачева в наши дни, в годы его детства были нормой, а в трудные годы – подмогой: достоинство, любезность, воспитанность помогали «не терять лица» в самые трудные минуты.

Детство – лучшее время жизни. Тем более – когда это лучшее детство, которое только может быть. Для отнюдь не богатой семьи Лихачевых блистать брильянтами в ложе (что было обязательным в свете) было непросто – но они держались, всегда были элегантно и «бонтоны», были «своими» в лучшем обществе, что сказало и на воспитании сына. Они держали марку и научили и сына ее «держаться» всегда, а каких усилий им это стоило – это уже тайна, открытая немногим. И как ему помогла потом светская выучка – «спина всегда должна быть прямой», особенно в трудные годы, когда многие спины согнулись.

Дмитрий Сергеевич вспоминает, как в один год, когда дела семьи шли неважно, снять квартиру вблизи Мариинского театра не удалось из-за дороговизны и они поселились на Петроградской стороне, и для похода в театр им приходилось пересекать Неву по льду – туда и обратно!

Однажды мама упала, а отец, который шел по узкой протоптанной тропке впереди, за воем ветра не услышал ее криков, а она из-за меховой пелерины, которая сковывала руки, не могла никак подняться. Ее спас человек, идущий сзади них. И тем не менее им и в голову не пришла мысль – отказаться от походов в театр. Они продолжали ходить и все так же блистали в своей ложе.

Светский образ жизни вовсе не спасает от трудных проблем. Они есть у всех – просто не надо им поддаваться, их надо преодолевать и по-прежнему блистать в своей ложе. И это светское воспитание помогло Лихачеву выстоять во все времена.

Проще всего лениво сказать: так в то время и я бы жил, и забот бы не знал, и был бы не хуже! Нет – забот тогда было не меньше. Просто было принято с ними справляться.

Помню, как я был изумлен, когда узнал, что семья Лихачева – не самая богатая, но и не самая бедная – жила в петербургской квартире лишь зимой, а к каждому лету, чтобы сэкономить и снять дачу, они вынуждены были оставлять квартиру и увозить мебель на склад. А осенью подыскивать другую квартиру, в надежде найти получше и подешевле, и снова везти

мебель и расставлять на новом месте. Прикиньте эти ежегодные хлопоты на себя. Легко ли? Просто тогда было не принято нить и раскисать: дурной тон!

Зато летом у них была беззаботная дачная жизнь, и с каким упоением ей предавались! Сколько душевности, выдумки, таланта вкладывали в нее! Тяготение к музам в семье Лихачевых-старших летом не утихало, напротив – разыгрывалось. Летом по большей части отдыхали в Куоккале – летней столице петербургской богемы и со страстью участвовали во всех затеях и забавах, принятых там... Многого исчезло бесследно и оставалось лишь в памяти Лихачева – еще и поэтому всегда был к нему повышенный интерес: он – последний из тех, кто помнит, кто сохранил, кто жил еще тогда, когда все было по-другому. Оказывается – совсем другой, чем нынче, была даже пляжная жизнь. Казалось бы, раздевайся, купайся, все как всегда. Но оказывается, в начале века хозяин дачи, как только сдавал ее, сразу же принимал на себя множество обязанностей. В частности, он водворял на воз специальную будку и вез ее на пляж. Главный съемщик (в нашем случае – Лихачев-отец) ехал вместе с ним и выбирал на пляже подходящее место для будки. В будке хранились шезлонги, купальные костюмы, игрушки. Любимой игрушкой Мити Лихачева была маленькая яхта с килем и парусом, с которой он любил играть на мелководье, недалеко от берега. И все это добро хранилось в будке круглосуточно. Странные были времена. Сейчас легко представить, что сделают с самой будкой и ее содержимым пляжные «отдыхающие» в первую же ночь... тогда такое никому в голову не приходило. Да, история не стоит на месте, меняются времена, и особенно – нравы. А Лихачев – еще там, в тех временах, когда будки еще не разоряли по ночам. Поэтому так хочется на него смотреть: на лице его отсвет той замечательной жизни...

Так рьяно, как сейчас, по многу часов, до черноты, в те годы еще не загорали – зато больше сил и времени оставалось на другое. «На благотворительных спектаклях, – вспоминает Лихачев, – стремились поразить неожиданностями. Ставились фарсы, затевались розыгрыши, шутили над всеми известными дачниками. Были и серьезные спектакли, и литературные вечера». Какие люди жили в Куоккале! Репин читал свои воспоминания. Чуковский исполнял, на разные голоса, своего «Крокодила». Жена Репина знакомила с травами и травоедением. Почти все (кроме новичков) были знакомы, ходили друг к другу в гости. Создавали благотворительные сборы, детские сады на общественных началах.

Корней Чуковский, вернувшись в 1915 году из Англии, стал ходить босиком, хотя и в превосходном костюме. Писатели выдумывали себе разные наряды – принято было выделяться (мода на серость и безликость наступила потом): Горький одевался по-своему, красавец Леонид Андреев по-своему, Маяковский по-своему... «Всех их можно было встретить на Большой дороге в Куоккале, они либо жили в Куоккале, либо часто приезжали...»

По той радости, даже восторженности, с какой молодой Лихачев воспринимал это, чувствуется: праздничная жизнь искусства пьянила его уже тогда.

Появлялись уже и магические «знаки судьбы», словно предсказывающие его будущее: как выяснилось, серб А. Шайкович, у которого снимали дачу, последние три года перед революцией переводил «Слово о полку Игореве» на сербский язык. Потом «Слово о полку Игореве» станет главным в жизни Лихачева, но, оказывается, «Слово» жило с ним под одной крышей еще в детстве. А он и не знал! Или что-то чувствовал, и это сказалось? Порой вещи почти неуловимые влияют удивительным образом на нашу судьбу.

Он уже чуток к словам, помнит услышанные тогда расхожие выражения: «неглиже с отвагой», «держится фертом» (буква «ферт» походила на подбоченившегося человека). Помнит любимые семейные поговорки: «Мели, Емеля, – твоя неделя»; «На тебе, боже, что нам негоже». И добавляет от себя: «Обе поговорки „успокаивали“, приглашали терпимо относиться к чужому хвастовству и показной доброте».

Такое «разборчивое» ухо и столь точная трактовка текстов говорят уже о склонности к анализу.

Но куда «потечет» жизнь? Она порой «склонности» человеческого характера грубо отвергает. Многое зависит от времени – и от школы. Школа, вообще-то, должна улавливать талант, развивать душу. Это сейчас главное – выучить ЕГЭ, а все остальное – пропади пропадом. Но тогда еще...

Петербургские школы

Первой школой, в которую осенью 1914 года отдали учиться Митю Лихачева его родители, весьма внимательные к выбору учебного заведения, была Гимназия Человеколюбивого общества, в которой одно время учился Александр Бенуа. Располагалась она на Крюковом канале, напротив знаменитой колокольни Никольского собора, в тихом, патриархальном углу старого Петербурга, называемом Колодной.

Отца к тому времени назначили заведующим электрической станцией при Главном управлении почт и телеграфов, и там же, возле Главного почтамта, на Ново-Исаакиевской улице, рядом со зданием электростанции, они получили казенную квартиру. В главном зале станции поршень толкал громадное колесо, блестящее от масла, и их квартира, находившаяся за стеной, постоянно содрогалась. Юный Митя Лихачев любил заходить в здание электростанции и следить за слаженной работой механизмов. Дом, где жили Лихачевы тогда, – старинный, желтый, вытянутый, двухэтажный, можно и теперь отыскать на улице Якубовича – так называется теперь бывшая Ново-Исаакиевская улица, выходящая на Исаакиевскую площадь.

Крюков канал, где была школа, находился неподалеку. Это был хоть и существенный, но не главный фактор в выборе учебного заведения.

«Учиться я поступил восьми лет, – пишет в своих „Воспоминаниях“ Лихачев, – и сразу в старший приготовительный класс. Родители выбирали не школу, а классного наставника. И он в этом старшем приготовительном классе был действительно замечательным. Капитон Владимирович! Он был строг, представительен, умен и отечески добр, когда это было можно. Это был воспитатель с большой буквы. Ученики его уважали и любили».

Лихачев помнит своего воспитателя с восьмилетнего возраста! Можем ли мы с тем же уважением, если уж не с любовью, вспомнить своих учителей, – хотя бы из старших классов? Я, например, помню всех, но перечислять никого не хочу, дабы не впасть в злословие, столь неуместное в этой книге. А Дмитрий Сергеевич помнит и ценит их – начиная с первого учителя!

Но школа, как бы хороша она ни была, всегда – испытание, уход из семейной гармонии в незнакомое, пока еще равнодушное к тебе общество, и любовь и уважение, которым окружали тебя дома, здесь еще надо заслужить. Причем среди людей, которые тебе не очень-то нравятся. Что делать? Притворяться? Приспосабливаться? Лгать?

«У меня сразу пошли с ними столкновения. Я был новичок, а они уже учились второй год, и многие перешли из городского училища. Они были „опытными“ школьниками. Однажды они на меня накинулись с кулачками. Я прислонился к стене и, как мог, отбивался от них... Как я не хотел ходить в школу! По вечерам, становясь на колени, чтобы повторять за матерью слова молитв, я еще прибавлял от себя, утыкаясь в подушку: „Боженька, сделай так, чтобы я заболел!“».

Кто из нас не помнит те муки? Они не проходили бесследно. Один ломался, делался на всю жизнь жалкой личностью, Другой приспособливался и начинал, как принято среди сильных, обижать слабых, становился самодовольным. Митя Лихачев, может быть, отчаяннее других не хотел быть ни изгоем, ни частью тупой толпы, и «Боженька» услышал его страстные молитвы и сделал, что тот просил: Митя действительно сильно заболел, потом занимался с домашним репетитором, чтобы не отстать, и на следующий год пошел в новую школу. А другие – смирились бы. А Лихачев – нет. В детстве важен каждый шаг. Куда несут тебя ножки – вверх или вниз? Туда, куда ты хочешь, где оценят тебя – или где ждет тебя гибель? Хорошо, если ты с самого начала чувствуешь это и начинаешь понемногу «рулить». И осенью 1915 года отец определил Митю в 1-й класс знаменитого реального училища Карла Ивановича Мая, где уже учился его старший брат Михаил. Школа располагалась на 14-й линии Васильевского

острова, в четырехэтажном здании весьма тогда модного стиля модерн с большими, нестандартными полукруглыми окнами, и была тогда весьма знаменита в среде передовой петроградской интеллигенции, стремящейся отдавать своих детей сюда. Девизом ее были слова великого педагога Каменского: «Сперва любить – потом учить». Школа эта называлась так: «Гимназия и реальное училище» и от привычной классической гимназии отличалась широтой взглядов, демократизмом, даруемой ученикам свободой. Это было не прихотью, а вполне осознанной политикой директора Карла Мая, желающего воспитывать у себя свободных граждан свободного общества – об этом грезил тогда передовая интеллигенция, лучшие умы. И учителя подбирались соответствующие, дающие свой предмет творчески, необычно, порой парадоксально, будившие фантазию. Из школы Мая вышло немало выдающихся людей. Среди «майских жуков», как они с гордостью называли себя, – Александр Бенуа, Николай Рерих, архитектор Фомин.

«Класс был разношерстный, – вспоминает Лихачев. – Учился и внук Мечникова, и сын банкира Рубинштейна, и сын швейцара». Увы, мы уже знаем, до чего довели эти благие порывы «к свободе, равенству и братству», но в те годы, о которых говорит Лихачев, это воспитывало благородство, терпимость, отрицание кастовости и чванства. Лихачев успел застать все благородные идеи в их лучшее время, пока они еще не опошлись, не извратились, попав в руки подлецов.

Ручной труд, столярное дело, которому в «продвинутой» гимназии Мая обучали ребят, крепко пригодились им в той суровой действительности, которая уже поджидала их.

Учителя были там замечательные, преподавали творчески, необычно, порядки царили демократические, запрещалось доносительство. Даже швейцар там был замечательный, разговаривал с учениками на самых разных языках. Лихачев пишет в своих «Воспоминаниях»: «Школа К. И. Мая наложила сильный отпечаток и на мои интересы и на мой жизненный, я бы сказал, мировоззренческий опыт».

Единственной проблемой была дорога от дома до училища – война, а затем революция все больше превращали жизнь города в хаос. В училище Мая, из центра на Васильевский остров, надо было ездить на трамвае, что шел по Конногвардейскому бульвару и по Троицкому мосту переходил на Васильевский остров, но пробыть в трамвай было чрезвычайно трудно: шла Первая мировая война, и площадки были забиты солдатами. Им разрешалось ездить бесплатно, но только на площадках. Из-за чего всем прочим пассажирам было невозможно пробыть в вагон... Неустанная забота начальства о простом народе давала о себе знать уже и тогда. Но детство все равно полно неожиданных радостей. На бульваре всегда было что-то интересное, например вербные базары весной, когда можно было потолкаться у ларьков, купить «вербные игрушки»: чертей на булавах для прикалывания к пальто (к чужим пальто!), «тещинских языков» и акробатов на трапезиях.

Именно там посетило юного Митю чувство, во многом определившее его устремления: «Ведь Петербург-Петроград стоял не только лицом к Европе... но за его спиной находился весь Русский Север с его фольклором, народным искусством, народной архитектурой, с поездками по рекам и озерам, близостью к Новгороду».

Все чувства юного Лихачева распахнуты в поисках самого интересного, самого важного в будущей жизни: не упустить бы!

Но хаос все нарастал, и в 1917 году произошли революции – сначала Февральская (прогрессивная общественность приветствовала ее, многие даже прикололи красные банты), Лихачев вспоминает возмущение «приличного общества» кровавыми расправами, отличавшими и полицию, и боевиков.

Об Октябрьской революции Лихачев рассказывает как настоящий честный историк – не так, как «положено в данный момент», а так, как в действительности воспринимал события он и его окружение. Лихачев говорит в одном из своих интервью, что Октябрьская революция

была какой-то незаметной, словно ничего и не произошло. Ну – объявили, что власть теперь взял Совет, но он и раньше уже действовал, ничего нового. Ну – беспорядки. Но они были и раньше. Голод, но он был и до Октября. Ели прежде неслыханное – жмых, дуранду, хлеб из овса с кострицей. Школа не отапливалась. Порой ученики, по команде учителя, вскакивали с парт и прыгали, согревались, «по-извозчичьи охлопывали себя».

Но самая главная беда – «победители» и не думали останавливаться и начали переделывать всё. «Мы наш, мы новый мир построим!» – пели они. Но пока в основном разрушали старый. Что могло быть лучше для воспитания молодежи, чем училище Мая? Закрыли! Последний выпуск учебного заведения Карла Мая состоялся 24 февраля 1918 года. Среди последних выпускников был и старший брат – Михаил Лихачев. Младшие классы (в том числе класс, где учился Дмитрий Лихачев) были преобразованы в «единую трудовую школу», куда так же перевели девочек из младших классов бывшей гимназии Шаффе. Как же новой власти обойтись без «коренных преобразований»? Училище Мая в прежнем виде перестало существовать. Через год Митя перешел в другую школу, на Петроградской стороне, поскольку туда переехала семья.

Февральская революция 1917 года лишила инженера С. М. Лихачева заслуженных орденов, чинов и «личного» дворянства. Служащие электростанции подали на него жалобу, как на «поддерживающего старый режим», и сфабриковали дело о «противозаконных его действиях». Общество было охвачено страстью – разрушить все старое, отомстить «эксплуататорам»! Чрезвычайная следственная комиссия провела летом 1917 года расследование и оснований для привлечения Лихачева к уголовной ответственности не нашла.

1 сентября 1917 года «оправданный» С. М. Лихачев вышел в отставку и освободил казенную квартиру на Ново-Исаакиевской улице, дом 6.

Этой же осенью собрание рабочих 1-й Государственной типографии на Петроградской стороне избрало инженера С. М. Лихачева заведующим технической частью. Эта типография была построена замечательными архитекторами Л. Бенуа и Л. Шретером в 1910 году на участке между Гатчинской и Ораниенбаумской улицами. Четырехэтажный дом на Ораниенбаумской улице, где инженер Лихачев и его семья получили казенную квартиру, выстроен, как и типография, в стиле «северного модерна», особенно распространенном на Петроградской стороне, которая застраивалась позже центра. Дом, на мой взгляд, выглядит сдержанно и даже сурово. Большая квартира Лихачевых на втором этаже имела два выхода – первый вел на Ораниенбаумскую улицу, второй – в типографию.

Первое время Митя продолжал еще учиться в реальном училище К. Мая на Васильевском, но в конце 1918 года перестали ходить трамваи, а идти пешком было опасно.

Общественные потрясения не лучшим образом сказались на их жизни: плохое, увы, не остается снаружи, но проникает и в души. Сергей Михайлович, испуганный «гневом народа» на прежнем месте работы, и здесь не мог уже избавиться от страха, поэтому старался подчеркнута быть наравне с рабочими, выпивал с ними и даже продал ради этого несколько ценных подарков от прежней власти за безупречную службу. Была ли нынешняя служба столь же безупречной, учитывая те «запанибратские» отношения, что установились теперь у начальника с подчиненными? Суровая супруга Вера Семеновна, воспитанная в семье староверов, отнеслась к изменениям в поведении мужа весьма отрицательно, и их отношения сильно испортились. Что можно сказать о характере нашего героя Дмитрия Лихачева в то время? Рабочие типографии говорили так: «Старший сын у Лихачева (Михаил) – орел, а младший (Дмитрий) – тютя!»

Очевидно – да, Дмитрий Лихачев не походил от старшего брата, и впоследствии отличавшегося активностью и жизнелюбием, и был больше склонен к размышлениям, чем к бурным эмоциям и действиям. В нем преобладала скрытая, внутренняя жизнь, но именно такой характер оказался наиболее стойким и последовательным.

Осенью 1919 года Митя Лихачев пошел в 10-ю единую трудовую (нетрудовых тогда не было) школу, бывшую гимназию Л. Д. Лентовской, на Плуталовой улице Петроградской стороны, вблизи от их нового дома. В школе Лентовской Дмитрий Лихачев проучился четыре старших класса до 1923 года. Зимой школа не отапливалась. Писали на газетах. Рисовали на обратной стороне обоев.

Но, тем не менее, летом 1921 года состоялась двухнедельная школьная экскурсия по Русскому Северу, во многом определившая судьбу Лихачева, пробудившая страстный интерес к русской истории, старой России.

«И снова я попал в замечательное училище! – вспоминал Лихачев. – Сравнительно со школой Мая, „Лентовка“ была бедна оборудованием и помещениями, но была поразительна по преподавательскому составу. Школа образовалась после революции 1905 года из числа преподавателей, изгнанных из казенных гимназий за революционную деятельность. Их собрала театральная антрепренер Лентовская, дала денег и организовала частную гимназию, куда сразу стали отдавать своих детей сочувствующие переменам интеллигенты (тогда сочувствовать переменам было модно). У директора Владимира Кирилловича Иванова в его кабинете была библиотечка революционной марксистской литературы, из которой он (еще и до революции) давал читать книги заслуживающим доверия ученикам старших классов. Между преподавателями образовалась тесная связь, дружба, общее дело».

Да что скрывать, революция была в моде, ею увлекались лучшие люди, лучшие умы, считая, что спасают гибнущее человечество. Своего любимого на всю жизнь учителя, Леонида Владимировича Георга, Лихачев встретил именно в «Лентовке».

«Леонид Владимирович обладал всеми качествами идеального педагога. Он был разносторонне талантлив, умен, остроумен, находчив, всегда ровен в обращении, красив внешне, обладал задатками актера, умел понимать молодежь и находить педагогические выходы из самых затруднительных ситуаций. Мягкость и изящество в нем доминировали. Ничего агрессивного не было в его мировоззрении. Ближе всего он был к Чехову – его любимому писателю. Взгляды он имел самые широкие. Обожал Пушкина – но поощрял и заумные стихи ученика Введенского – в будущем одного из лидеров „обериутов“».

Лихачев вспоминает, что один из его одноклассников увлекался Ницше, другой – Уайльдом, и Леонид Владимирович, узнав об этом, провел блистательные уроки, посвященные Ницше и Уайльду. Сейчас бы тот уровень преподавателей и учеников, что был в той «революционной» школе!

Но мать-революция уже стала показывать своим «детям» свой нрав. «Жил Леонид Владимирович очень тяжело, – пишет Лихачев. – Педагоги получали тогда очень мало. Вскоре после окончания мной школы он заболел сыпным тифом. Болезнь испортила сердце. Я встретил его в трамвае, и он мне показался потолстевшим. Леонид Владимирович сказал мне: „Не располнел, а распух я!“».

Жизнь менялась кардинально. Подростая революционная молодежь уже презирала царское время, ничего из величия империи ей увидеть не удалось: лишь военная разруха, поражения на фронтах, недовольство народа. «Эти старики полностью опозорились – а мы, молодые, все сделаем лучше!» – таков был девиз, молодым свойственно презрение к старикам, вера лишь в свою миссию. И новая власть этим ловко воспользовалась.

«Теперь мы построим новую замечательную жизнь, причем такую, как мы захотим!» – ликовала молодежь.

Появилось много бодрых песен, некоторые из них были замечательны. Молодым хотелось их петь, ликовать, что вполне естественно для молодежи, чувствовать радость новой жизни, которую делаешь ты сам!

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне остановка,
Иного нет у нас пути,
В руках у нас винтовка!

Винтовка – это тогда считалось хорошо. Как же проложить новый путь без винтовки?

Красный террор был официально объявлен 5 сентября 1918 года «в ответ на сопротивление уходящих классов общества», которые почему-то никак не хотели уходить, строили козни новым властям, вплоть до организаций тайных обществ с целью борьбы. Советская власть терпела это чуть ли не год, но терпение лопнуло, и теперь – только убивать этих «взбесившихся псов»! Объявление террора дышало чуть ли не «праведным гневом» и должно было вызвать отклик в широких народных массах. И вызвало! Как не гневаться на «бывших», что угнетали народ сотни лет и теперь еще всячески курочат наш «светлый путь», на который мы только что вышли? Помню обрывок шуточной комсомольской песни, как бы диалог старого брюзги и бодрой молодежи: «У соседей на глазах ходят в майках и трусах! Физкультура, говорят!.. А по-моему – разврат!»

Да, есть еще такие выжившие из ума старикашки, не понимающие молодежь! А дальше еще удивительней: «Дядю выслали в Нарым – а они ему кричат: „Так и надо! Дядя – гад!“».

Сейчас мы уже больше на стороне этого дяди, высланного в Нарым, но тогда распространнее был «телячий восторг» молодежи, хохочущей над сосланным дядей... Молодежь как бы всегда права.

Помню фотографии своих родителей – веселых, спортивных, красивых, во всем белом. А чего им не ликовать, если они в семнадцать лет попали из глухих деревень в лучшие вузы и отлично учились?

Лихачева в этих радостных колоннах ликующей молодежи не было – он принадлежал предыдущей эпохе и все самое ценное он успел получить там. Хоть он и закончил «революционную» школу Лентовской, воспитание там получил классическое. Уже в школе он участвует в философских диспутах со своими одноклассниками на такие темы, которые нынешним школьникам и не снились! Это его стремление – непременно докопаться до истины – и привело его сперва в лагерь, а потом – к вершинам науки. Человека, почувствовавшего свою цель в жизни, не так легко сбить с пути всяческими беспорядками. Злые люди, устроившие их, как раз и норовят всех нас запутать в бездарные свои дела, запятнать нас участием в них – но люди творческие, увлеченные, умелые не теряют себя в любую бурю, сохраняют высокий дух. И, существуя в тех бурных годах, которыми принято то восхищаться, то возмущаться, Лихачев вспоминает не о беспорядках и бытовых потерях. Его интересует лишь то, что имеет отношение к высокой культуре. И вспоминает он не охватившее всю страну бескультурье – он пишет о гениальном воплощении неприкаянности и окаянства русского народа в высоком искусстве: «Хованщине» и «Граде Китеже» на сцене Мариинского театра в двадцатые годы. Более низкий уровень восприятия – уже не для него. Аристократ духа выстраивает свой мир.

«События Октябрьской революции оказались как-то в стороне от меня. Я их плохо помню», – высокомерно сообщает он. Да и дальнейшие «радости» не захватили его. Джентльменский, консервативный стиль поведения Лихачева как-то не предполагал вышагивания по городским улицам в трусах, в компании таких же оголтелых подростков, хором выкрикивающих какие-то глупости. Лихачев остался в прежней, дореволюционной жизни, хотя многие его сверстники «увлеклись» новой вакханалией, но это было не для него. Именно он сохранил в себе прежнее, как никто другой – поэтому так и полюбили его потом как «хранителя» всеми уже забытого. На площади его не влекло. Будущего великого книжника гораздо сильнее волнует другое.

«Жизнь в типографии меня во многом воспитала, – вспоминает он. – Типографии я обязан своим интересом к типографскому делу. Запах свеженпечатанной книги для меня и сейчас – лучший из ароматов, способный поднять настроение». Он уже страстно предчувствует свое призвание (хотя пока и не может точно его назвать).

Тому, кто почуял цель, словно само все идет в руки, реальность даже обгоняет мечту.

«На некоторое время отец получил на хранение библиотеку директора ОГИЗА (государственного издательства) – небезызвестного в тогдашних литературных кругах Ильи Ионовича Ионина. В его библиотеке были эльзевиров, альдины, редчайшие издания XVIII века, собрания альманахов, дворянские альбомы, библия Пиксатора, роскошные юбилейные издания Данте, издания Шекспира и Диккенса на тончайшей индийской бумаге, рукописное „Путешествие из Петербурга в Москву“ Радищева, книги из библиотеки Феофана Прокоповича, множество книг с автографами современных писателей (С. Есенина, А. Ремизова, А. Толстого)».

Судьба словно уже разглядела Лихачева: «А кто тут у нас будущий академик? Все лучшее – ему!»

«Помню парадоксы того времени, – вспоминает Лихачев. – Толпа верующих после диспута между А. Луначарским и обновленческим митрополитом Введенским хотела побить именно митрополита... дело в том, что митрополит Введенский на суде в Филармонии давал показания против любимого народом петроградского митрополита Вениамина...»

Отступнику – худшая кара! Это тоже урок на всю жизнь.

Жизнь становится все горше. В голодные двадцатые, по-прежнему выезжая на дачу (уже не в Финляндию – граница закрыта), Митя ходит к крестьянам обменивать ценные семейные вещи на молоко и заходит на забытое кладбище, стараясь разобрать шведские надписи на старых плитах. В главном он уже внутренне определился: жизнь для него – это текст. Много ходит пешком, любит грести на лодке против волн, загорает, физически крепнет, словно предчувствуя тяжелые испытания впереди.

Он поступил в Ленинградский университет в 1923 году, когда ему не было еще семнадцати, причем сразу на романо-германскую и славяно-русскую секции отделения языкознания и литературы факультета общественных наук... Способности ученого, упорство исследователя определились в нем сразу. Он решил посвятить себя самому главному в жизни человечества – Слову. И характер его уже сложился – как бы не слишком бурный, но твердый и непреклонный.

Для начала ему пришлось преодолеть сопротивление семьи. Его отец, Сергей Михайлович, инженер-электрик, сам весьма увлеченный искусством, много сделавший для всестороннего воспитания сына, тем не менее выбор гуманитарной профессии не одобрял. «Культура необходима каждому интеллигентному человеку – но заниматься надо серьезным, конкретным делом», – считал отец. И другие два сына пошли в него. В роду деловых, хватистых, практичных Лихачевых – купцов, инженеров – Дмитрий Сергеевич был единственным «блаженным». Но сбить его с намеченного пути было невозможно.

Вся жизнь тех лет была пронизана политикой – столкновением классов, борьбой с «проклятым прошлым». Непростая ситуация была и в университете. «Появились профессора „красные“ и просто профессора, – вспоминает Лихачев. – Впрочем, профессоров вообще не было – звание это, как и ученые степени, было отменено... состав студентов был не менее пестрый, чем состав „условных профессоров“: были пришедшие из школы, но в основном это были уже взрослые люди с фронтов гражданской войны, донашивающие свое военное обмундирование...»

Казалось бы, самое время «политизироваться» – ведь ясно же, что будущее за «красными», и многие сообразительные студенты так и сделали, и сразу «продвинулись»... Но это было не для него. У него была другая компания.

«В университете, – пишет он, – также были дети высокой петербургской интеллигенции, в свое время воспитывающиеся с гувернантками и свободно говорившие на двух-трех иностранных языках (к таким принадлежали учившиеся со мною И. Соллертинский, И. А. Лихачев (будущий переводчик), П. Лукницкий (будущий писатель)... Я выбрал романо-германскую секцию, но сразу стал заниматься и на славяно-русской... „Красные профессора“ знали меньше, но обращались к студентам „товарищи“. Старые профессора знали больше, но говорили студентам „коллеги“... Я ходил ко всем, кто мне казался интересен».

Весьма твердая позиция: выбираю науку, а не политику!

Юный Дмитрий Лихачев мало рассказывает о себе – но характер его уже вырисовывается. Весьма заметны в нем выдержка, стойкость, некий упрямый педантизм: «Пусть хаос вокруг разрастается – я буду делать то, что считаю нужным». Эта его преданность научной истине, а не «модным течениям времени» и сделала его главным моральным авторитетом страны, но до этого пришлось пройти через множество испытаний. «Хождения по мукам» неизбежны в жизни праведника.

Уровень и широта знаний Мити Лихачева, выпускника школы, поразительны. Думаю, что нынешние выпускники не знают 99 процентов того, что знал он. Но удивительна и его жажда знаний.

«Я принимал участие в занятиях у В. М. Жирмунского по английской поэзии начала XIX века и по Диккенсу, у В. К. Мюллера по Шекспиру, слушал введение в германистику у Брима, введение в славяноведение у Н. С. Державина, историографию древней русской литературы у члена-корреспондента АН Д. И. Абрамовича, принимал участие в занятиях по Некрасову и по русской журналистике у В. Е. Евгеньева-Максимова, англосаксонским и среднеанглийским занимался у С. К. Боянуса, старофранцузским у А. А. Смирнова, слушал введение в философию и занимался логикой у Басова (этот замечательный ученый очень рано умер), древнецерковнославянским языком у С. П. Обнорского, современным русским языком у Л. П. Якубинского, слушал лекции Б. М. Эйхенбаума, Б. А. Кржевского, В. Ф. Шишмарева и многих, многих других, посещал диспуты между формалистами и представителями традиционного академического литературоведения, пытался учиться пению по крюкам (ничего не вышло), посещал концерты симфонического оркестра в Филармонии... А ведь рядом еще, на Исаакиевской площади, был Институт истории искусств («Зубовский институт»), где проходили замечательные дискуссии по вопросам искусства, в городе была интенсивная театральная жизнь, проводились выставки замечательных новых художников. И все это вошло в сознание юного Мити Лихачева, и после все поражались объему его эрудиции, а она – из тех бурных лет. И все это разнообразие не отвлекало, а наоборот – насыщало его, расширяло горизонты научной работы. Лихачев уже тогда интересуется «временными изменениями стиля в древнерусской литературе». При этом он еще сожалеет, что не успевает на выступления кумиров того времени – Есенина и Маяковского. Какую насыщенную, серьезную жизнь он вел – совсем еще молодой человек! Притом нет ни одного упоминания, как славно они «оттянулись» с друзьями в пивном баре, потрындели о том о сем. Такое показалось бы ему дикостью. Более серьезные вещи волновали его тогда.

После объявления красного террора 5 сентября 1918 года уже за первые месяцы были убиты один митрополит, восемь архиереев, десять священников, 154 дьякона и 94 монаха.

Те, кого это возмущало, стали больше ходить в церковь – и Лихачев среди них. Многие знаменитые оперные певцы бесплатно стали петь в церковном хоре. Участились расстрелы в ЧК на Гороховой, 2, в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне. Лихачевы жили на Ораниенбаумской – и при открытой форточке ночью доносились залпы: людей расстреливали в Петропавловской крепости, у речки Кронверки.

«Мы не пели патриотических песен, – вспоминает Лихачев, – мы плакали и молились. С этим чувством я и стал заниматься в 1923 году древнерусской литературой... Я хотел удержать в памяти Россию, как образ умирающей матери... Я окончил университет в 1928 году».

И как раз 1928 год, год окончания Лихачевым университета, отмечен приходом к власти Сталина и его диктатуры и началом гонения на кружки интеллигенции, на их встречи и их беседы. А кружков было много, интеллектуальная жизнь в городе была необыкновенно активна (из-за такой активности и арестованных было много). Молодой Лихачев был в самой гуще той жизни. Говорят, «перед смертью не надышишься», но все старались «надышаться». Столь интенсивного духовного общения не было, кажется, больше никогда. Бывшие школьные учителя не расставались с любимыми учениками и после школы, им было жалко терять друг друга. Они оказывались в семинарах, кружках, новоиспеченных «академиях» и продолжали спорить, философствовать, строить планы.

«Хельфернак» (что расшифровывалось как «Художественно-литературная, философская и научная академия») был одним из заведений такого рода.

«В двух тесных комнатках Ивана Михайловича Андреевского (интеллектуальное общение свело их, еще когда Лихачев учился в школе) на мансардном этаже дома на Церковной улице каждую среду собирались и маститые ученые, и школьники, и студенты. Помню (из самых знаменитых)... С. А. Аскольдова (Алексеева), В. М. Юдину, доктора Модеста Н. Моржецкого, В. Л. Комаровича, И. Е. Аничкова, Л. В. Георга, Е. П. Иванова, А. А. Гизетти, М. М. Бахтина, А. П. Сухова и многих других, а из молодежи – Володю Ракова, Федю Розенберга, Аркашу Селиванова, Валю Морозову, Колю Гурьева, Мишу Шапиро, Сережу Эйнерлинга. Всех не перечислишь. Во время заседаний пускалась по рядам громадная книга, в которой расписывались присутствующие, и где на страницах сверху своеобразным „готическим“ почерком Ивана Михайловича Андреевского была обозначена тема доклада, фамилия докладчика и дата. В 1927 году, когда время наступило опасное, один из самых молодых участников „Хельфернака“ Коля Гурьев завернул эту книгу протоколов в различные водоустойчивые материалы и закопал где-то на Крестовском острове».

Затем, в связи со все растущими притеснениями церкви, заседания стали принимать все более религиозный характер, и собрание стало именоваться «Братством святого Серафима Саровского». Так что говорить, будто направленность их собраний не имела никакого отношения к политике, будет неверно. Протест против уничтожения государством православной церкви явно присутствовал – а значит, то был протест и против этого государства.

И обнаружение в их среде провокатора, втягивающего их в откровенные и слишком громкие разговоры, явно говорит об интересе карательных органов к их собраниям, о подготовке ареста и шумного политического процесса. Пришлось объявить на очередном собрании о роспуске «братства». В тот раз им удалось спастись.

«Более безопасным, – вспоминает Лихачев, – казалось тогда общение в шуточных кружках. Казалось, никому в голову не придет преследовать людей, собирающихся, чтобы беззаботно провести время. Володя Раков, мой соклассник по Лентовской школе, пригласил меня бывать у них в „КАНе“ – „Космической академии наук“... Члены этой „академии“ летом прошли от Владикавказа до Сухума по Военно-осетинской дороге, обзавелись на Кавказе тросточками, заявили о своей верности дружбе, юмору и оптимизму... В нашем студенческом кружке, игравшем особенно значительную роль в нашей жизни того периода, когда свободная философия и религия постепенно становились запретными, неофициальными, непризнаваемыми, создавался своего рода маскарад не с целью какой-то конспирации. Напротив, шумные формы этого маскарада скорее могли привлечь внимание к нашему кружку. Так и случилось. Телеграмма якобы от папы римского с поздравлением к годовщине Академии привлекла внимание сверхдательных организаций... 8 февраля 1928 года под утро за мной пришли».

Следователь (видимо, старого еще воспитания) был предупредителен и вежлив и даже подал едва не потерявшему сознание Сергею Михайловичу стакан воды. Аресты уже шли повсюду, поэтому все уже знали, что необходимо взять с собой – теплое белье, кружку... Кружка эта так выручала потом Лихачева в его лагерной жизни! На прощание – банальные слова: «Это ошибка. Я скоро вернусь!»

Лихачев вспоминает свой «прощальный проезд» на рассвете по прекрасному Ленинграду, через Неву, потом по набережным... Но сейчас его увозят в тюрьму. Повороте широкого Литейного в узкую, темную Шпалерную улицу, и въезд через еще более темную арку во внутренний двор.

Каждый встречает равных себе

То была старая политическая тюрьма на Шпалерной, неброское трехэтажное здание, где сидел еще Ленин.

С присущей новой власти склонностью к разного рода сокращениям и аббревиатурам, учреждение называлось теперь ДПЗ – Дом предварительного заключения. Раньше тут сидели революционеры, борцы с самодержавием, теперь тут «за политику» держали народ самый разный: бывшие «сливки общества» (например, сидел лидер петроградских бойскаутов граф Шувалов) и рядом – абсолютно случайный деревенский мальчик, увидевший вдруг гидроплан на Неве и проявивший подозрительный, с точки зрения органов, интерес к этому «секретному чуду техники».

В «Воспоминаниях», написанных уже в конце жизни, Лихачев скрупулезно сравнивает свои наблюдения на Шпалерной с впечатлениями другого крупного ученого, знаменитого историка Анциферова, тоже побывавшего здесь, но в другое время. То есть происходит типичное для интеллигенции спасительное замещение – тюрьма рассматривается не как место ужаса, а как очередной объект бесстрастного научного изучения. Для того и придумана культура, чтобы, подобно щиту, оборонять нас от ужасов жизни, превращать ужасы в научные теории и таблицы. И этот спасительный взгляд настоящего ученого на происходящие кошмары лишь как на объект научного изучения был у Лихачева уже тогда. «Интерес ко всем этим людям поддерживал меня», – пишет он. Рассказывает о их суровом надзирателе, который, постепенно приходя к ним, становился все более общительным, проводил чуть ли не экскурсии по тюрьме, показывал «исторические» камеры.

Лихачев сразу же выстраивает некоторую систему в происходящем хаосе, почти что теорию. Их камера 273, а это – цифра абсолютного температурного космического нуля – и арестовали его за «Космическую академию». Что-то выстраивается... во всяком случае, такие штудии тренируют ум, не дают личности распасться.

Лихачева стали вызывать на допросы, всерьез интересовались связями участников студенческого кружка с папой римским. В вину Лихачеву ставили его доклад, сделанный в их обществе – «О старой орфографии», усматривая в этом докладе непризнание новой жизни. Интенсивная интеллектуальная жизнь продолжалась и в камере, поскольку именно за нее и сажали, публика тут собралась весьма просвещенная. Образовался своего рода «выездной научный семинар». «Доклады» и «конференции», проходившие на Шпалерной, отличались особой научной смелостью, дерзостью, парадоксальностью. «Свобода мысли» давала возможность почувствовать свое превосходство над этими ничтожествами, что держали их здесь. Никакого следствия не велось. Дела «шились» тупо, под копирку. Следователь Стромин (автор всех процессов двадцатых годов против интеллигенции) на деле Лихачева и его «сообщников» сильно поднялся, после этого ему поручили дело знаменитых академиков – Платонова, Тарле, но это дело он завалил, академики оказались не по зубам. Но и в деле «Космической академии наук» Стромин был неубедителен, никаких серьезных доказательств вины «нарывать» не сумел, старался брать пафосом, но не сумел никого ни в чем убедить. Духовное и интеллектуальное ничтожество обвинителей было очевидно, так же как интеллектуальное, духовное превосходство осуждаемых... И когда их вызвали к начальнику тюрьмы и тот с какими-то завываниями (видимо, для придания значительности) прочел приговоры (Лихачеву – 5 лет), то вместо жалких оправданий и просьб услышал лишь презрительное: «Это все? Мы можем идти?» Это произнес Игорь Евгеньевич Аничков, ставший после смерти Сталина преподавателем Педагогического института в Ленинграде. Они гордо вышли из комнаты. Вскоре они покинули тюрьму на Шпалерной. Их ждали новые, гораздо более тяжкие испытания.

После относительно спокойной жизни в тюрьме на Шпалерной, начиная с погрузки в «столыпинские вагоны» на дальних путях Николаевского (ныне Московского) вокзала, «пошла работа» по уничтожению «врагов народа», уничтожению моральному и физическому.

Разузнав о их отправлении, возле путей собрались родные и друзья. Тогда еще допускались провожающие. Допускались – но не подпускались. «Толпу еще не боявшихся тогда родных и друзей, просто товарищей по учению или службе, грубо отгоняли солдаты конвойного полка с шашками наголо».

В вагон, состоящий из отдельных запирающихся камер, набили народу гораздо больше всякой мыслимой нормы. Охранники вовсе не заботились об удобствах и правах заключенных, их задача была прямо противоположной – мучить и унижать.

Избежать побоев не удалось никому – в Кемском пересыльном пункте конвоир при высадке из вагона сапогом разбил Лихачеву лицо. Лихачев в одном из своих интервью рассказывал, что спас его колоссальный интерес ко всему как к объекту изучения. На Кемском пересыльном пункте, на берегу Белого моря, заключенных зачем-то заставили бегать с вещами вокруг столба. Конвоиры ругали их матом, но между собой они разговаривали по-французски. Лихачев воспринимал все это как некий абсурдистский спектакль, а не реальность, и засмеялся. Такой отстраненный, исследовательский подход и помогал ему выносить мучения. Арестанты сразу оказались между жизнью и смертью. Ночью на «кемской пересылке», перед посадкой на пароход, в переполненном сарае, где пришлось простоять почти всю ночь, священник-украинец сказал Лихачеву: «Надо найти на Соловках отца Николая Пискановского – он поможет».

Потом была посадка на пароход «Глеб Бокий», который вез их на Соловки. При погрузке Лихачева случайно спас оказавшийся рядом вор-домушник Овчинников, повторявший: «Только не торопитесь, будьте последними»...

Когда пароход прибыл на Соловки, первые, вошедшие в трюм, оказались «последними» – их, задохнувшихся и раздавленных, выносили в конце.

Суровое небо, мощные стены Соловецкого монастыря, превращенного в СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения... Не всем, погруженным на корабль, удалось это увидеть. Вот первые впечатления Лихачева о Соловках:

«Нас, живых, повели в баню № 2. В холодной бане заставили раздеться и одежду увезли в дезинфекцию. Попробовали воду – только холодная. Примерно через час появилась и горячая. Чтобы согреться, я стал непрерывно поливать себя горячей водой. Наконец, вернули одежду, пропахшую серой. Оделись. Повели к Никольским воротам. В воротах я снял студенческую фуражку, с которой не расставался, перекрестился. До этого я никогда не видел настоящего русского монастыря. И воспринял Соловки, Кремль не как новую тюрьму, а как святое место. Прошли одни ворота, вторые и повели в 13-ю роту. Там при свете „летучих мышей“ нас пересчитали, обыскали.

...Я буквально свалился на нары и очнулся только утром. То, что я увидел, было совершенно неожиданно. Нары были пустые. Кроме меня, оставался у большого окна на широком подоконнике тихий священник и штопал свою ряску... Разговорившись со священником, я задал ему, казалось, нелепейший вопрос, не знает ли он (в этой многотысячной толпе, обитавшей на Соловках) отца Николая Пискановского. Перетряхнув свою ряску, священник ответил: „Пискановский? Это я“. Сам неустроенный, тихий, скромный, он устроил мою судьбу наилучшим образом».

Но пока: «...утром я получал свою пайку хлеба и кипяток в большую эмалированную кружку, которой снабдили меня заботливые родители. По возвращении с работы в ту же кружку мне наливали поварешкой похлебку... Сколько специальностей я переменял в 13-й роте! Редко удавалось попасть на одну и ту же работу. Больше всего мне запомнилось – пильщиком дров на электростанции, грузчиком в порту, „вридлом“ (временно исполняющим долж-

ность лошади) по Муксаломской дороге в упряжке тяжело груженных саней, электромонтером в мехзаводе (по-старому – в „монастырской кузне“), рабочим в лисьем питомнике, и, наконец, коровником в сельхозе...»

Из всех рот 13-я была самой большой и самой страшной. Туда принимали вновь прибывшие этапы. Там их муштровали, чтобы сломить всякое желание сопротивляться или протестовать, и направляли на самые тяжелые физические работы. Все прибывающие на Соловки обязаны были побывать в 13-й роте не менее трех месяцев. Называлась рота «карантинной». Порядки там были исключительно жестокие. Того, кто не выполнял дневную норму, ставили «на комары» – то есть раздевали догола, ставили на камень и запрещали двигаться. Тело мгновенно покрывалось комарами, слеталась целая звенящая туча. Некоторые падали с камня замертво... 16-й ротой шутливо называли кладбище. Обледеневшие, окостеневшие трупы по рельсине звонко спускали в яму...

В 13-й роте многие заключенные сразу же проиграли в карты шулерам все, включая и пайку на много дней вперед. Однако и к ужасам 13-й роты Лихачев проявил исследовательский интерес, не дающий ему унывать, он внушал себе, что он в «исследовательской экспедиции», и в 1930 году в местном альманахе «Соловецкие острова» появляется его научная статья «Картежные игры уголовников». Ну, просто не каторга, а научная командировка! Лихачев изо всех сил старался сохранять именно такое отношение к происходящему. Он изучал, осмысливал, записывал. Он написал там «Советы идущему по этапу», содержащие очень много ценных, спасительных для заключенного наблюдений и советов. Вот раздел «Мои вещи»:

«Как надо спать на нарах? Нары обычно короткие. Если вытянешься, ноги повиснут в пространстве. Проходящие заденут. Разбудят. Отделенные будят ударами палок или ремней по ногам. Поэтому ноги надо приучить держать поджатыми под себя. У меня до сих пор сохранилась эта лагерная манера, ложась спать, поджиматься. Но одеяло могут и украсть, особенно крадут верхние вещи, если ими накроешься поверх одеяла. Поэтому меня научили делать так: одеяло по краям обязательно подтыкать под себя (так оно и теплее), а бушлат или шубу одевать на ноги: засовывать ноги в рукава; никогда не сползет, и тепло, а если урки станут стягивать, то разбудят. И ноги отделенные не перешибут. Это, конечно, для общих рот с нарами.

И еще, чтобы быстрее одеться утром – рубашку и кальсоны снимать вместе с верхней одеждой. Так и класть рядом с собой. А одевать сразу кальсоны с брюками и рубашку с толстовкой. Желаю успеха».

Конечно, Лихачев получил тут огромный жизненный опыт, много узнал. В Соловках оказывались рядом профессор и уголовник, проститутка и фрейлина, говорившая на безукоризненном французском...

Отец Николай Пискановский и владыка Виктор Островидов (священникам лагерные начальники доверяли, знали, что они не обманут) не оставляли попыток устроить Лихачева на канцелярскую работу и тем самым спасти его не только тело, но и душу – и им это удалось. Хоть и не сразу. Видно, было в юном Лихачеве то, что привлекало к нему людей серьезных, глубоких, ответственных – острый ум, тонкая душа, стремление к совершенству. Лихачев страстно ждал улучшения своей судьбы, обещанного отцом Пискановским, но вместо этого оказался в изоляторе с сыпным тифом. Тащили его в изолятор Володя Раков и Федя Розенберг, «подельники» по шутливой «Космической академии наук». Кажется, как давно это было – в другой жизни. И как несоразмерны «преступление» и ужасное наказание!

Врачом в изоляторе служил тоже давний знакомый – Иван Михайлович Андреевский, бывший преподаватель школы Лентовской, создавший сначала «Хельфернак», где так увлеченно спорили молодые вместе с Митей Лихачевым... Страшное продолжение их «философских бесед»! Бывший наставник, теперь – лекарь, ученик – в тифу. Теперь наставник должен спасти ученика. Кроме него, в спасении Лихачева участвовал и другой замечательный человек, делопроизводитель медчасти Георгий Михайлович Осоргин, дворянин, передавший

начавшему поправляться Лихачеву полбутылки красного вина. Среди ужаса и низости окружающей жизни такие люди особенно выделяются.

«Зрительная память хорошо сохранила мне внешность и манеру держаться Георгия Михайловича Осоргина, – написал Лихачев. – Среднего роста блондин с бородкой и усами, всегда по-военному державшийся... всегда бодрый, улыбчивый, остроумный – таким он запомнился мне на всю жизнь... Он многое делал, чтобы спасти от общих работ слабосильных интеллигентов: на медицинских комиссиях договаривался с врачами о снижении группы работоспособности, клал многих в лазарет или устраивал лекпомами (лекарскими помощниками, фельдшерами), для чего нужно было иногда... знать только латинский алфавит и отличать йод от касторки.

Осоргин спас многих – но сам погиб: деятельность его не могла долго оставаться безнаказанной. После знаменитого визита Максима Горького на Соловки в порядке мести заключенным за их жалобы чекисты расстреляли 300 заключенных: попал в этот список и Осоргин. Но и погибая, он был великолепен. По обычной лагерной неразберихе как раз в дни перед расстрелом (о котором Осоргин знал) к нему на свидание приехала жена. Она была из княжон Голицыных и уже имела паспорт для выезда в Париж. Чекисты разрешили Осоргину свидание – если он даст слово офицера, что о расстреле ей не скажет (чекисты часто оформляли расстрелы как естественную смерть)».

Лихачев случайно встретил Осоргина, гулявшего по Соловкам с женой, как всегда подтянутого, веселого, остроумного. Жена, успокоенная, уехала. Осоргина 28 октября 1929 года расстреляли среди сотен других отобранных «чекистскими мстителями».

Вот с такими людьми жизнь свела на каторге Лихачева – и они ценили Лихачева за его качества, проявившиеся уже тогда. Каждый встречает равных себе. Много лет спустя, выбравшись в Оксфорд, Лихачев встретил там сестру Осоргина и рассказал ей историю его гибели: оказывается, она ничего не знала об этом.

Друзья Лихачева в лагере устроили его, наконец, на новую работу, но тут он как раз тяжело заболел тифом, валялся среди других больных, причем последние дни – в так называемой «палате для выздоравливающих», которая представляла собой подвал с низкими сводами, продуваемый с улицы... Приехав на Соловки много десятилетий спустя, Лихачев нашел это тесное помещение и не мог поверить, что помещался там! Но он там поправился и пошел на новую работу.

Соловецкий лагерь, хоть и созданный на погибель всего незаурядного, как ни странно, при этом нуждался в умных людях. Какая-то организованность там должна была быть. А от дурака, как известно, результата никакого. Начальству был нужен отчет, «витрина», «результаты перевоспитания», полезная деятельность и даже доход – и никто, кроме людей умных, этого сделать не мог. В лагере были музей, театр, свое хозяйство, культурно-просветительская часть, включающая актеров, музыкантов, администраторов, должна изображать «перевоспитание опасных преступников». Дураки загубили бы все это на корню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.